

Политическая власть в Японии: каковы шансы оппозиции?

© 2020

Д.В. Стрельцов

По результатам выборов 2017 и 2019 г. коалиция ЛДП и Комэйто в очередной раз обеспечила себе стабильное большинство в обеих палатах парламента. Автор анализирует причины электоральных неудач оппозиции, в числе которых выделены такие моменты, как преобладание значительного консервативного сегмента в электоральном поле, рост популизма в обществе и спрос на харизматических лидеров, а также умелое использование С. Абэ возможностей медиа. Перспективные возможности для оппозиции автор видит в выдвижении привлекательной в глазах избирателей политической альтернативы в сфере социальной политики.

Ключевые слова: Япония, партийная система, оппозиция, неоконсервативные ценности, клиентелизм, «всеохватывающая партия», электоральная координация.

DOI: 10.31857/S013128120008825-8

21 июля 2019 г. в Японии прошли выборы в Палату советников японского парламента.

Выборы проходили в неблагоприятный для правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) и ее лидера Синдзо Абэ момент. С начала октября 2019 г. вступала в силу введенная по решению кабинета Абэ новая 10%-ная, увеличенная на 2% ставка потребительского налога. По-прежнему свою остроту сохранял вопрос об участии Абэ в коррупционных скандалах с организациями «Моритомо гакуэн» и «Какэ гакуэн», разгоревшихся в 2018 г. «Моритомо гакуэн» приобрела государственный участок под строительство частной школы по заниженной цене, а «Какэ Гакуэн», которой управляет старший знакомый Абэ, незаконно получила одобрение правительства на строительства ветеринарного училища. Актуальным для кабинета оставался и вопрос об источниках средств для национальной пенсионной системы, нехватка которых стала большой проблемой в условиях старения населения.

В результате выборов правящей коалиции в составе ЛДП и партии Комэйто удалось вновь, как и ранее, получить большую часть из 124 мест, судьба которых определялась на выборах: ЛДП получила 57 места, Комэйто — 14, т.е. всего 71. И хотя коалиция лишилась в верхней палате квалифицированного большинства, которое бы позволило кабинету министров инициировать поправки в конституцию, Абэ добился публично озвученной перед выборами цели сохранить там простое большинство. С учетом уже имеющих у ЛДП и Комэйто в верхней палате мест, не подлежащих переизбранию (на выбо-

рах переизбиралась только половина списочного состава палаты), правящая коалиция обеспечила себе на ближайшие три года устойчивое большинство в 141 место из 245.

Обращает на себя внимание электоральный успех оппозиционной Конституционно-демократической партии, которая увеличила свое представительство с 9 до 17 мест, получив, с учетом уже имеющейся доли, 32 мандата в Палате советников. Однако, несмотря на определенную сдачу позиций, доминирование ЛДП в парламенте остается, как и прежде, достаточно прочным. Выиграв в шестой раз подряд парламентские выборы, правящая коалиция ЛДП и Комэйто имеет стабильное большинство в обеих палатах парламента и квалифицированное большинство в Палате представителей.

Преобладание коалиции очевидно и в местных законодательных собраниях, в том числе городских, где ЛДП традиционно чувствует себя не очень уверенно, но Комэйто имеет сильные позиции. Более того, молодое поколение в большей степени поддерживает ЛДП, чем оппозиционные партии, которые по-прежнему пребывают в состоянии растерянности и хаоса. И хотя кабинет Абэ по-прежнему не может справиться со многими сложными внутри- и внешнеполитическими проблемами, слабая оппозиция пока не в состоянии предложить ему реальной альтернативы. Цель настоящей статьи — проанализировать основные причины регулярных электоральных успехов правящей коалиции, заставляющих говорить о возрождении в Японии феномена доминантной партии, который, казалось бы, навсегда стал достоянием истории с окончанием эпохи «системы 1955 года», а также дать оценку того, имеются ли у оппозиции хоть малейшие шансы изменить сложившуюся ситуацию в свою пользу.

Факторы долгосрочного правления ЛДП

Имеется целый ряд системных факторов в пользу сохранения длительного господства ЛДП в коалиции с Комэйто. Прежде всего, это социально-политическая ситуация в стране, а точнее — структурные особенности электоральной картины. Более всего выделяются в ней консервативные слои избирателей, в основном из числа старших возрастных категорий, а также избиратели, проживающие в сельской местности. Этот электоральный сегмент отличается высокой политической активностью, что проявляется в стабильно высоких показателях явки, сплоченности и предсказуемости электорального поведения — это партия «против перемен», всегда голосующая против «смутьянов» и «ниспровергателей основ». Консервативные избиратели неизменно поддерживают на выборах ЛДП, в нынешнем лидере которой они видят не только защитника традиционных японских ценностей, но и гаранта национальной идентичности, стоящей перед вызовами глобализации. Политика Абэ, по их мнению, позволила Японии избежать социальной напряженности, вызванной наплывом трудовых мигрантов, открытием внутренних рынков для иностранных товаров и услуг, влиянием чуждой японскому духу рыночной стихии, ростом индивидуализма и ослаблением коллективистского начала в межличностных отношениях.

В одномандатных округах консервативные избиратели демонстрируют лояльность так называемым династическим кандидатам — политикам, «унаследовавшим» свой округ от одного из ближайших родственников или политических покровителей. Среди депутатов ЛДП, прошедших в Палату представителей на выборах 2017 г., таковых оказалось около 40%. При этом депутаты-«наследники», впервые избранные в 2017 г., были в основном потомками ушедших на пенсию или умерших депутатов. Эти депутаты начали свою парламентскую карьеру еще до политической реформы 1994 года¹. Между тем депутаты, получившие свой мандат в силу традиции «наследничества», редко демонстрируют склонность к политическим инновациям или радикальным реформам.

Спрос на политическую стабильность и отказ от резких перемен определяется также наличием в стране значительного процента постоянной занятости, составляющей до 60%. *Сарариманы* (от англ. Salaryman) — постоянные работники компаний — как правило, выступают и за сохранение существующей конфигурации власти, которая в целом их устраивает, тогда как любые ее резкие изменения чреваты в их глазах неоправданными рисками. В этом смысле «пожизненный наем» порождает, условно говоря, и «пожизненный политический выбор», то есть способствует консервации политических порядков в стране.

Большое воздействие на электоральную ситуацию оказывает и преобладание в информационном поле страны ведущих средств массовой информации. По сравнению с периодом холодной войны, когда среди японских газет выделялись явно «левые» и «правые» издания, в настоящее время среди основных СМИ отсутствуют (или размыты) существенные различия в их идейно-политической ориентации, что в свою очередь снижает уровень политической поляризации в обществе².

Фактором политической стабильности выступает и то, что во главе ЛДП оказался С.Абэ — весьма талантливая и незаурядная политическая фигура. Он демонстрирует большую политическую волю, умение маневрировать и хорошую адаптивность к создавшейся ситуации, а также умение подавать себя в публичном пространстве. Накануне выборов обществу навязывается такая повестка, которая не наносит ущерба рейтингам правительства, а решения, могущие вызвать раскол в обществе и критику со стороны оппозиции, откладываются на период после выборов. Например, явно непопулярные законопроекты, предусматривавшие повышение потребительского налога, ослабление пацифистских ограничений и гарантий личных свобод граждан, меры по защите государственной тайны и др., были внесены в парламент в течение 2015 г., то есть в течение первого года после прошедших в декабре 2014 г. выборов в палату представителей. И только после того, как упавшие рейтинги правительства постепенно вернулись в норму (составив к январю 2016 г. 53,7%)³, Абэ смог летом 2016 г. провести успешные для себя выборы в верхнюю палату.

Другой пример касается ситуации 2017 г. Летом рейтинги Абэ резко упали из-за его личной вовлеченности в скандалы с «Какэ гакуэн» и «Моритомо гакуэн». Во время выборов в префектуральное собрание Токио в июле 2017 г. деятельность Абэ на посту премьера одобряли лишь 27% респондентов. В этих условиях С. Абэ отказался, несмотря на требования оппозиции, созывать внеочередную сессию парламента. Однако уже осенью уровень поддержки кабинета стал постепенно восстанавливаться на фоне обострения ситуации на Корейском полуострове, ставшей катализатором сплочения японцев вокруг руководства страны, что дало премьеру возможность провести успешные выборы в нижнюю палату.

Сильное преимущество создает ЛДП ее умелая медиа стратегия. Современную систему связей с общественностью в партии создал еще в период правления кабинетов Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006 г.) Хиросигэ Сэко, тогда еще молодой депутат Палаты советников, имевший опыт работы в отделе по связям с общественностью частной компании⁴. Эта система стала одной из движущих сил триумфа Коидзуми в 2005 г., когда Абэ получил общенациональную известность в качестве самого молодого генерального секретаря ЛДП за всю ее историю. С возвращением в 2012 г. к власти Абэ прилагал огромные усилия для раскрутки своего образа в СМИ. При этом предвыборная кампания в электронных СМИ стала ключевым элементом избирательной стратегии партии, начиная с выборов в Палату советников 2013 г.

Умелое использование Абэ возможностей медиа дало ему хорошую фору перед оппозицией. В условиях падения действенности традиционных механизмов электораль-

ной мобилизации и сокращения числа «твердых голосов» исход выборов для отдельных кандидатов политических партий во все большей степени стал зависеть от личной популярности партийного лидера. С учетом этого обстоятельства ЛДП еще в 2001 г. внесла изменения в правила выборов председателя партии, ориентированные на то, чтобы избирать такого деятеля, который бы наиболее всего соответствовал общественным ожиданиям. Право участвовать в выборах председателя получили тогда префектуральные отделения ЛДП, которые стали проводить нечто вроде праймериз, учитывающих мнение рядовых членов партии. В результате ЛДП стала делать ставку на лидеров популистского типа, имеющих большую личную харизму. Наиболее яркими представителями новой генерации таких политиков стали Дз.Коидзуми, возглавлявший партию и правительство в 2001–2006 гг., и нынешний премьер С.Абэ. Вместе с тем Абэ при выдвижении предвыборных манифестов в полной мере учитывает уроки относительно недолгого правления Демократической партии Японии (ДПЯ), которая в период проведения предвыборной кампании 2007–2009 гг. выдвинула целый ряд невыполнимых популистских обещаний, например, лозунги отмены платы за пользование платными автомобильными дорогами или двукратного повышения детских пособий. В итоге многие избиратели на выборах 2012 г. отказались голосовать за ДПЯ, и партия потерпела сокрушительное поражение. Абэ в полной мере учитывает этот урок, воздерживаясь от нереалистичных предвыборных обещаний, особенно сопряженных с крупными бюджетными тратами.

Важно и то, что Абэ удалось создать в медиапространстве свой личный бренд лидера державы мирового уровня. Этот бренд основан на продвижении в электоральные массы идеи о том, что для получения статуса мировой державы Японии необходима сильная личностная дипломатия, ассоциирующаяся с именем премьер-министра. Успехи такой дипломатии в деле укрепления связей Японии с ключевыми странами-партнерами, например, США, Китаем и Россией, умело используются близкими партии власти СМИ для создания позитивного образа Абэ, что, в свою очередь, способствует повышению рейтингов всей партии власти.

Благоприятствуют длительному правлению Абэ и особенности международной ситуации. Обострение проблемы ракетно-ядерной программы КНДР и актуализация в связи с этим вопросов военной безопасности для страны позволяют ему существенно укрепить свои внутриполитические позиции. Спрос на сильную руку создает и военно-политический подъем Китая, который воспринимается в Японии прямой угрозой национальной безопасности. К тому же на пользу Абэ играет нестабильная социальная ситуация в ряде стран Европы. Острые проблемы беженцев и общественной безопасности на европейском континенте контрастируют с относительно стабильной ситуацией в самой Японии, которую многие избиратели связывают с правильной, на их взгляд, политикой кабинетов Абэ по недопущению массовой трудовой миграции.

Фактором долгосрочной правления ЛДП служит также особенность партийно-политической ситуации в стране. Крайне удачной для ЛДП можно назвать ее электоральную смычку с партией Комэйто, нащупанную еще в 1999 г. На протяжении двух десятилетий ЛДП поддерживает коалицию с этой партией, чтобы компенсировать свою недостаточную популярность в городских округах. Эта смычка не утратила своей значимости и сегодня, несмотря на серьезные различия в подходах двух партий ко многим важнейшим вопросам политической повестки дня. Так, Комэйто демонстрирует сдержанность в отношении планов правительства Абэ изменить пацифистские положения Конституции, ликвидировать любые ограничения на отправку военнослужащих за рубеж, продолжать делать ставку на атомную энергетику. И ЛДП вынуждена считаться со своим партнером по коалиции, учитывая то обстоятельство, что без его помощи удержание власти становится проблематичным: Комэйто имеет в каждом мажоритарном округе большой сегмент

лояльных избирателей (так называемых твердых голосов), которые по команде сверху послушно отдают свой голос за кандидата от правящей партии, если у самой Комэйто там отсутствуют какие-либо шансы на победу.

Большой удачей для ЛДП по праву можно назвать ситуацию хронического раскола в стане оппозиции, в котором она пребывает с момента ухода ДПЯ с властного Олимпа. Оппозиционные партии пользуются наибольшей поддержкой в городских округах, где теоретически у них имеются очевидные шансы составить ЛДП реальную конкуренцию. Так, доля голосов избирателей в пользу ЛДП составила там в 2017 г. примерно 48%, в смешанных районах — около 55%, и в сельских районах 60%⁵.

Опросы общественного мнения показывают, что если бы оппозиции удалось объединиться, многие избиратели отдали бы свой голос за ее кандидата. Согласно опросу общественного мнения, проведенного газетой «Йомиури» после выборов в палату представителей в октябре 2017 г., за ЛДП целенаправленно голосовали лишь 36% респондентов, тогда как 44% респондентов сделали свой выбор в пользу партии власти лишь потому, что «после раскола ДПЯ от оппозиции баллотировалось слишком много кандидатов». При этом лишь 6% опрошенных выбрали ЛДП по причине высокой оценки ими премьер-министра Абэ, а для 10% главным мотивом голосования стало одобрение работы правительства⁶. Красноречивыми выглядят итоги опроса, проведенного газетой «Асахи» накануне выборов в палату советников 13–14 июля 2019 г. На вопрос о том, какую партию они поддерживают, 45% выбрали ответ «ни одной», тогда как в пользу ЛДП высказалось только 34% респондентов. При этом никто из прочих партий не получили в свою поддержку более 6%⁷.

Таким образом, поддержка ЛДП значительной частью электората, очевидно, основана не на принятии ею политических взглядов Абэ или одобрении правительства, а, скорее на отсутствии более подходящего кандидата от оппозиции. Это подтверждается статистическими данными: на выборах 2017 г. ЛДП получила в одномандатных округах 26 500 723 голосов, что было меньше даже показателя на выборах 2009 г. (27 301 982 голоса)⁸, когда ЛДП сокрушительно проиграла ДПЯ. Электоральные успехи ЛДП были в большей степени связаны с тем обстоятельством, что у нее отсутствовали сильные соперники в мажоритарных округах, где безусловную победу дает даже небольшое относительное большинство. Именно мажоритарная система позволила превратить незначительное преимущество, полученное ЛДП в одномандатных округах, в большую электоральную победу.

На пользу правящей партии играет и феномен политической апатии избирателей, который проявляется, в частности, в форме низкой явки на выборы. Например, на всеобщих выборах 2014 г. был зарегистрирован самый низкий показатель явки за всю послевоенную эпоху. Оставался он низким и на выборах в нижнюю палату в октябре 2017 г., когда на избирательные участки не пришло 39% японских избирателей⁹. На выборах же в верхнюю палату 2019 г. явка избирателей составила 48,8% — это второй с конца показатель за всю послевоенную историю¹⁰.

Высокий уровень абсентеизма является, скорее, индикатором настроений политического протеста, свидетельствующим о нежелании избирателей активно поддерживать партию власти, чем признаком отсутствия у избирателей интереса к политической сфере как таковой. Избиратели подобным образом не только демонстрируют свою неудовлетворенность правящей партией, но и выражают недовольство отсутствием в избирательном бюллетене «достойных» оппозиционных партий, способных, по их мнению, бросить вызов действующей власти.

Нередко это недовольство приводит к переключению интереса избирателей к новым партиям или «партиям третьего пути»¹¹, что приводит к высокой волатильности

электоральной картины. Проголосовав за одну из новых партий, на следующих выборах избиратель переключается на другие партии, не фиксируя свой политический выбор на сколько-нибудь долгую перспективу. В этом явственно проявляется отличие электорального поведения избирателей с «плавающими голосами» от консервативного электорального сегмента, продолжающего стабильно поддерживать «старые» партии.

Таким образом, победа ЛДП была, скорее, результатом неэффективности электоральных действий оппозиционных партий, а также отражением политической апатии среди избирателей, нежели одобрения ими политики кабинета Абэ.

Риски для ЛДП

Стоит выделить ряд долгосрочных факторов риска для нынешней системы правления ЛДП. Во-первых, это уже отмеченный выше факт недовольства политикой правящей коалиции со стороны значительной части избирателей. Как представляется, это связано с глубинными изменениями в электоральной базе ЛДП, где в последние два десятилетия произошли кардинальные изменения.

Прежде всего, ЛДП гораздо в меньшей степени стала опираться на политику клиентелизма — «окучивание» избирательных округов бюджетными инвестициями, например, в виде субсидий фермерам или инфраструктурных проектов, подпитывающих местную экономику. Это связано с переориентацией общественных запросов с местных потребностей на общенациональные социальные программы. В условиях старения населения расходы государственного бюджета стали направляться прежде всего на обеспечение национальных систем пенсионного и медицинского страхования, в связи с чем средств на «подарочные законопроекты» уже практически не остается. Кроме того, урбанизация и дальнейший рост образования, особенно среди женщин, обесценили в глазах молодого поколения японцев карьерные возможности в сельском хозяйстве и строительстве (типичных сферах приложения политики клиентелизма).

Снижение значимости клиентелизма ослабило смычку ЛДП с электоральными низами, в результате чего сократилась численность партии. Составляя в последние годы около миллиона человек, она не идет ни в какое сравнение с периодом однопартийного господства, когда ЛДП пользовалась поддержкой широких слоев населения (на своем пике в 1990 г. численность ЛДП составляла около 5 млн членов). При этом по мере постарения политически активного поколения, взгляды которого сформировались еще в эпоху холодной войны, теряют свою действенность и традиционные методы электоральной мобилизации, основанные на потенциале «обществ поддержки» *коэнкай*, работавшие на принципах тесной личной связи с рядовыми избирателями. Именно это обстоятельство в корне изменило электоральную картину, для которой характерны существенное сокращение, по сравнению с периодом «системы 1955 года», доли «твердых голосов», при одновременном усилении доли «плавающих голосов» (избирателей, не определившихся со своим выбором вплоть до момента голосования).

По этой причине усилились для ЛДП и риски, связанные с общей непредсказуемостью выборов, что в свою очередь еще больше повысило значимость личной популярности ее лидера на общенациональном уровне и, соответственно, актуализировало вопрос о выработке им сильной имиджмейкинг-стратегии. Реформируя систему внутрипартийных выборов, партия стала делать ставку на политиков, наиболее перспективных с точки зрения обретения личной харизмы, которые могли бы стать в полном смысле слова лицом партии на выборах.

Зависимость ЛДП от популярности своего лидера таит в себе опасность того, что в случае изменения внешних обстоятельств партия становится заложником его личных рейтингов. Так, если популярность партийного лидера становится низкой, на-

пример, по причине ухудшающегося экономического положения или политических скандалов, он быстро превращается в «хромую утку», а это больно ударяет и по электоральным шансам правящей партии в целом. Именно так произошло, когда после ухода Коидзуми в отставку в 2006 г. у руля ЛДП последовательно сменились Синдзо Абэ, Ясуо Фукуда и Таро Асо, каждый из которых правил не более года. Закономерным итогом калейдоскопической смены трех кабинетов стало сокрушительное поражение ЛДП на выборах в нижнюю палату осенью 2009 г.

Оборотной стороной зависимости партии от популярности премьера стало нарастание авторитаристских тенденций в партийном управлении при одновременном сокращении действенности традиционных консенсуальных методов внутрипартийного согласования¹². Внутрипартийные позиции партийного лидера стали больше зависеть от его популярности в партии на низовом уровне, чем от межфракционного расклада сил. В результате председатель партии перестал считаться с мнением лидеров других фракций и обрел беспрецедентную для японской политической практики свободу рук при принятии важнейших решений, в том числе имеющих судьбоносное значение для страны. В партийных делах закрепился авторитарный, «президентский» стиль правления, больно ударивший по системе сдержек и противовесов, составляющей основу внутрипартийной демократии.

Особенно ярко этот стиль проявился в кадровой сфере. Еще в 2001 г. ЛДП, избрав на высший партийный пост Дз.Койдзуми, реформировала систему распределения высших должностей в партии и правительстве, ранее действовавшую исключительно на основе межфракционных договоренностей и уважения принципов старшинства. Будучи избранным не путем переговоров между фракциями, а при опоре на голоса местных партийных организаций (с 1989 г. в выборах председателя участвуют представители префектуральных отделений ЛДП), Дз. Койдзуми выделил своим близким соратникам важные министерские и партийные посты, невзирая на их фракционную принадлежность, и в нарушение традиции старшинства включил в кабинет относительно молодых политиков, женщин-политиков, а также лиц, вообще не являющихся депутатами парламента, но обладающих необходимой компетенцией (японская Конституция это допускает).

После Койдзуми — при кабинетах Абэ, Фукуды и асо — в ЛДП наблюдался определенный откат в пользу фракционной кадровой политики. С возвращением Синдзо Абэ в 2012 г. на пост главы кабинета с некоторыми дополнениями вновь возродилась практика кадровой самостоятельности премьера. Абэ создал под своим личным началом Совет по кадрам, контролирующим кадровые назначения более чем 600 высших должностей в правительстве. Назначения в кабинет, как и при Койдзуми, вновь стали осуществляться на внефракционных принципах. Новым стало и то, что Абэ существенно увеличил срок нахождения членов кабинета на одной должности. Это шло вразрез с традицией краткосрочного пребывания в министерской должности. Традиция связана с необходимостью постоянной ротации министров для получения политиками верхнего эшелона соответствующего опыта и парламентского стажа. Это, в свою очередь, являлось неременным условием для занятия ими высших должностей в партийно-правительственной номенклатуре.

Так, Абэ не производил перестановок в кабинете министров в течение первых 614 дней своего пребывания на посту, что было самым продолжительным периодом в истории ЛДП¹³. После 2014 г. перестановки в кабинете производились практически каждый год, однако около половины членов кабинета, в том числе ключевые министры, каждый раз оставались на прежнем посту. Не была исключением и перестановка кабинета, проведенная Абэ в октябре 2019 г., когда основная часть министров либо осталась на своих постах, либо была перемещена на аналогичные по своему политическому весу

должности. Длительное пребывание на одной должности давало министрам от ЛДП достаточно опыта и знаний и позволяло более эффективно проводить «политическое руководство», контролируя бюрократию своего ведомства.

Однако авторитарный стиль правления имеет и свою оборотную сторону: вышедшие бюрократы стали апеллировать в своих действиях непосредственно к главе кабинета, личная зависимость от которого у них существенно возросла. Получило распространение явление *сонтаку*, когда бюрократы предоставляли преференциальный режим своим «клиентам» не по причине прямых указаний с политических верхов или иных форм политического вмешательства, а лишь потому, что они ожидали положительной реакции на свои действия со стороны канцелярии премьер-министра (этот феномен стал достоянием гласности благодаря скандалам «Моритомо гакуэн» и «Какэ гакуэн»).

Длительное пребывание кабинета Абэ таким образом ослабило систему сдержек и противовесов в партии, снизило подотчетность правительства общественному контролю и повысило риск субъективизма и волюнтаризма при принятии важных государственных решений.

Перспективы развития партийной системы

Останется ли ЛДП ведущей партией на обозримую перспективу? Возвращение к власти ЛДП во главе с Синдзо Абэ в декабре 2012 г. положило конец ожиданиям двухпартийной системы, которые были порождены наличием в стране в 2000-е годы двух системообразующих политических партий и сменой власти в 2009 г. С 2012 г. Япония фактически вернулась к системе однопартийного доминирования, при которой одной находящейся во власти (пусть и в составе правящей коалиции) крупной партии противостоит пестрая и разрозненная в идеологическом отношении компания малых и средних партий. Среди оппозиции выделяется левый фланг в лице Конституционно-демократической и Коммунистической партий, центр представлен Народно-демократической партией, к числу условно «правых» можно отнести Общество обновления Японии (Ниппон исин-но кай). К настоящему времени эти партии не смогли продемонстрировать воли к объединению и созданию реальной политической альтернативы коалиционному правлению ЛДП и Комэйто.

Уместно сравнить Японию с Великобританией и США, где у власти регулярно сменяют друг друга две крупные партии, разделенные по идеологическим ценностям. Как правило, консервативной идеологии там противостоит социал-демократическая (или либеральная). В Японии же идеология партии и содержание ее политической программы традиционно не имеет большого значения для электорального выбора. Главным является не верность партии идеологическим принципам, а перспектива ее прихода к власти, который может принести осязаемые материальные дивиденды конкретному избирателю. Поэтому электоральные предпочтения могут меняться от выборов к выборам в зависимости от субъективной оценки той или иной партии со стороны «медианного избирателя». Свою роль здесь играет тот факт, что в послевоенный период в Японии не произошло такой же отчетливо выраженной партийной дифференциации электорального поля, как в большинстве крупных западных демократий.

Можно выделить несколько причин относительной слабости партийного фактора в японской политической жизни. Прежде всего, в Японии отсутствует сильная социальная дифференциация по этническому, гендерному, конфессиональному и иным признакам. Японское общество относительно гомогенно, а это накладывает свои ограничения на партийное строительство, ориентированное на специфические интересы отдельных социальных групп. И даже когда такие партикуляристские интересы существуют, крупные партии, ставя во главу угла цель вхождения во власть, стремятся максимально

удовлетворить чаянья самых широких страт общества, а потому не акцентируют эти интересы в своих политических программах. К. Заковский отмечал, что политические программы основных партий, следующих образцу всеохватывающей партии и включающих в себя различные в идеологическом отношении группы, не слишком ясны¹⁴. Следует признать, что подобной практики придерживались не только ЛДП и их основной соперник последних десятилетий — ныне распущенная Демократическая партия, но и некоторые переставшие существовать партии девяностых годов, такие как Синсэйто (Партия обновления) и Синсинто (Партия новых рубежей).

Другой причиной является послевоенная электоральная традиция, в соответствии с которой избиратели поддерживают не партию, а кандидата. Персональная ориентация электората закрепились в условиях существования в стране до 1994 г. системы «средних округов», в рамках которых основное соперничество разворачивалось не между партиями, а между отдельными кандидатами, даже если они представляли одну и ту же партию. Избиратели были склонны не обращать внимания на партийный бренд, демонстрируя лояльность конкретному политику¹⁵.

Залогом электоральных успехов партий служило наличие у них прочной организационно-финансовой основы общенационального значения, опытных политических кадров, узнаваемости партийного бренда в электоральных массах — и только в гораздо меньшей степени их идеология. Крупные партии, как правило, стремились заручиться поддержкой максимально широкого круга избирателей и потому придерживались модели всеохватывающей (или «всеядной») партии.

В период правления ЛДП такая модель получила в профильной литературе название «партия-универмаг», или «партия-больница общего профиля» (т.е. в партии есть товары на любой вкус или там можно найти врачей от любого недуга). В этом смысле ЛДП фактически сама по себе представляла собой квази многопартийную систему¹⁶. Решения в такой партии, будучи плодом консенсуальной демократии, носили подчеркнуто деидеологизированный характер, то есть были призваны удовлетворить самые разные политические группировки, предотвращая партийный раскол. Символическое значение с этой точки зрения имела регулярная смена лидеров, представлявших разные фракции.

Построенная С.Абэ модель политической власти, по сути, означает отход ЛДП от парадигмы «всеядности»: вот уже несколько лет у власти в ней находится одна и та же политическая группировка из числа выходцев из фракций «побочного течения» ЛДП, ориентирующаяся на конкретные программные установки, ставшие источником острых разногласий в обществе. Абэ апеллирует к традиционным японским ценностям (хотя многие видят в них призыв к романтизации милитаристского прошлого); придерживается принципов «малого правительства» (многие критикуют такой подход, видя в нем отказ поддерживать уязвимые группы населения); стремится изменить конституцию и создать полноценные вооруженные силы (по данному вопросу расколото все японское общество); предлагает возродить курс на развитие атомной энергетики (многие японцы по понятным причинам выступают против). Даже внутри самой ЛДП линия Абэ вызывает сопротивление: например, один из его соперников в борьбе за пост председателя партии Сигэру Исиба открыто выступает против пересмотра 9-й, «мирной» статьи конституции.

Останется ли подобная система власти после ухода Абэ в отставку с поста премьера? Является ли это зигзагом на пути совершенствования японской демократии или это закономерный и безальтернативный процесс, свидетельствующий о неизбежном кризисе демократии и переходе к жесткой авторитарной системе правления?

Как представляется, у Японии имеется несколько вариантов развития политической системы. Если исходить из того, что логика переформатирования партийного пространства определяется не идеологией, а целями прихода к власти, партийные коалиции

могут носить лоскутный и непоследовательный с идеологической точки зрения характер. Например, ДПЯ и прочие партии оппозиции с 2016 г. стали согласовывать свою электро-ральную политику с коммунистами, что стало беспрецедентным феноменом для всей послевоенной политической практики, в которой КПЯ всегда находилась в «гордом одиночестве». В нынешнем, образца 2019 года, парламенте Конституционно-демократическая и Народно-демократическая партии, имеющие принципиально разную идеологическую ориентацию, сформировали, тем не менее, единую парламентскую фракцию с целью сместить ЛДП. Уместно вспомнить и то, что партнерства в коалиционном правлении с идейно чуждой ей Комэйто не чужается и сама ЛДП.

Традиционно (с периода холодной войны) в центре идеологического противостояния партий были внешнеполитические вопросы, прежде всего — вопрос об отношении к Договору безопасности с США и конституции. ЛДП выступала за сохранение договора и за ревизию пацифистских положений конституции, а ее оппоненты в лице СПЯ и КПЯ защищали конституцию и добивались выхода Японии из союза с США. Однако в современной Японии сложился внутривнутриполитический консенсус по поводу необходимости для Японии Договора безопасности: против выступают лишь КПЯ и некоторые политические маргиналы. Различаются лишь нюансы, касающиеся роли и места Японии в системе договора, связанные с нынешней политикой американской администрации, в рамках которой Япония все более открыто позиционируется как «младший партнер». Например, Абэ считается наиболее ревностным сторонником укрепления союза с Америкой за счет «личностной дипломатии», в то время как откровенно протрамповскую линию Абэ критикует не только оппозиция, но и внутривнутрипартийные оппоненты премьера.

Не совпадает с партийными контурами и политическое противостояние по конституционному вопросу. Абэ в его стремлении изменить конституцию поддерживает часть оппозиции, в частности Общество обновления (Исин-но кай). Вместе с тем оппонентом премьера по данному вопросу парадоксальным образом является партнер ЛДП по коалиции — партия Комэйто, выступающая против устранения из конституции основных пацифистских положений. Таким образом, если Абэ решится на радикальную ревизию конституции, Комэйто теоретически может выйти из коалиции, что создаст для ЛДП кризисную ситуацию и может спровоцировать новую смену власти. В то же время приход на смену Абэ менее «ястребиного» премьера даст возможность реализации более спокойного сценария, при котором правящая коалиция сохранит свою власть в обозримом будущем.

Другим водоразделом можно считать вопрос о допущении рыночных принципов в экономику, а также о приоритетах социальной политики. Курс на «малое правительство», олицетворяемый Абэ, и опора на иные неоконсервативные ценности, в числе прочего предполагают достаточно ограниченное участие государства в решении социальных проблем. Опора на традиционные «японские ценности» в значительной мере несовместимы с сильной социальной политикой государства, так как в японском социуме проблемы пожилых людей исстари решаются без помощи «сверху». В этом смысле политика Абэ оказывается ближе «рыночным партиям» (например, Исин-но кай), чем левым силам. Однако ЛДП по-прежнему зависит от поддержки фермеров и не готова полностью либерализовать импорт сельхозпродукции и допустить рыночную стихию в аграрный сектор, что в свою очередь разводит ЛДП и радикальных «рыночников» по разные стороны баррикад.

Как представляется, именно вопросы социальной политики могли бы стать тем водоразделом, по которому можно ожидать дальнейшее структурирование партийного пространства. На фоне старения населения главным вопросом политической повестки дня остаются вопросы строительства жизнеспособных систем пенсионного и социаль-

ного обеспечения, и, прежде всего, их финансового обеспечения. В обществе сохраняется неприятие итогов структурных реформ Коидзуми (фактически духовного отца нынешнего премьера), результатом которых стало сильное социальное расслоение и появление новой для Японии проблемы бедности. Эгалитарная идея в Японии гораздо более популярна, нежели идеология социального дарвинизма, которая по сути лежит в основе неоконсервативной идеологии Абэ.

В 2007–2009 гг. ДПЯ умело использовала недовольство итогами реформ Коидзуми для раскачивания электоральной основы власти ЛДП. Приход демократов к власти, однако, не привел к радикальной реформе социального обеспечения. ДПЯ достаточно быстро дискредитировала свой демократический образ провальной внешней политикой и неспособностью выполнить взятые на себя социальные обещания, в результате чего избиратели отказали ей в поддержке. Идейным наследником ДПЯ в этом смысле выступает Конституционно-демократическая партия, которая имеет неплохие шансы нарастить свое политическое влияние, используя фактор нерешенной проблемы строительства жизнеспособной системы социального обеспечения.

С 2016 г. оппозиционные партии уже получили опыт координации действий и выдвижения единых кандидатов в одномандатных округах на выборах как в нижнюю, так и в верхнюю палату парламента. Так, на выборах в Палату советников 2019 г. пять оппозиционных партий поддержали единого кандидата во всех 32 одномандатных округах, и в 10 округах победили. Заслуживает внимания тот факт, что оппозиция консолидируется не по программно-идеологическим критериям, а по вопросу о смене ЛДП у власти. Пока это так, идеологические различия между партиями не будут иметь большого значения. Однако для создания реальной угрозы власти ЛДП оппозиция должна будет выдвинуть реальную программную альтернативу, привлекательную в глазах избирателей, и такая альтернатива в наибольшей степени вероятна в сфере сильной социальной политики.

1. *Scheiner E., Smith D.M., Thies M.F.* The 2017 Election Results: An Earthquake, a Typhoon, and Another Landslide. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, 2018. P. 23.
2. Solis M. Japan's consolidated democracy in an era of populist turbulence// https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190227_japan_democracy_solis.pdf P. 14.
3. *Maeda Y.* Public Opinion and the Abe Cabinet: Alternating Valence and Position Issues. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. P. 138.
4. *Umeda M.* The Liberal Democratic Party: Its adaptability and predominance in Japanese politics for 60 years *Asian Journal of Comparative Politics*. 2019, Vol. 4(1) P. 20.
5. *Scheiner E., Smith D.M., Thies M.F.* (2018) The 2017 Election Results: An Earthquake, a Typhoon, and Another Landslide. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham. P. 40.
6. *Maeda Y.* (2018) Public Opinion and the Abe Cabinet: Alternating Valence and Position Issues. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham. 2018. P. P. 143.
7. *Reynolds I, Emi N.* Japan Is a One-Party State Again And Voters Are Fine With That <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-18/japan-is-a-one-party-state-again-and-voters-are-fine-with-that>.
8. *Maeda Y.* (2018) Public Opinion and the Abe Cabinet: Alternating Valence and Position Issues. In: Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds) *Japan Decides 2017*. Palgrave Macmillan, Cham P. 144.
9. Solis Mireya Japan's consolidated democracy in an era of populist turbulence// https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190227_japan_democracy_solis.pdf P. 14.

10. Deplorably low voter turnout. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/10/31/editorials/deplorably-low-voter-turnout/>
11. Krauss E., Nemoto K., Pekkanen R. & Tanaka A. Party politics, elections and mistrust in Japan. *Japan Forum*, 2017, 29:1. P. 30.
12. Mishima Ko (2019) The Presidentialization of Japan's LDP Politics: Analyzing Its Causes, Limits, and Perils. *Spring*, P. 98.
13. Umeda M. The Liberal Democratic Party: Its adaptability and predominance in Japanese politics for 60 years *Asian Journal of Comparative Politics*. 2019, Vol. 4(1) P. 17.
14. Zakowski K. Evolution of the Japanese Political Scene: Toward a Non-Issue-Oriented Two-Party System?, *Asian Journal of Political Science*, 2011. 19:2. P. 200.
15. Kawashima I. and Ishio Y. The instability of party identification among eligible Japanese voters. *Party Politics*, 1998, Vol. 4. No. 2. P. 154.
16. Koji Murata Alisa Gaunder Japan Needs A Two-Party System. <https://www.csis.org/analysis/resolved-japan-needs-two-party-system>.

D. Streltsov. Political Power in Japan: What Are the Chances of the Opposition?

As a result of the 2017 and 2019 parliamentary elections, the LDP and Komeito coalition have again secured a stable majority in both houses of Japanese Parliament. The author analyzes the causes of electoral failures of the opposition, including such factors as the predominance of a significant conservative segment among the electorate, the growth of populism in society and the demand for charismatic leaders, as well as Abe's skillful use of media opportunities. The author views an electoral opportunity for the opposition in future in putting forward an attractive alternative program in the sphere of social policy.

Key words: Japan, the party system, the opposition, the neo-conservative values, clientelism, "catch-all party", electoral coordination.